

УДК 821.161.1-31(Иванов А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-121-129. ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ГЕРОИ ПРОТИВ ИСТОРИИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ТЕНИ ТЕВТОНОВ»

Когут К. С.

Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета
им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

SPIN-код: 5661-5490

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается фрактальная поэтика романа Алексея Иванова «Тени тевтонов». Обосновывается стремление автора к фрактальному переосмыслению истории, берущее свое начало в предшествующих произведениях писателя («Общага-на-Крови», «Географ глобус пропил», «Пищеблок» и др.). Показано, что принцип подобий и взаимоналожений исторических эпох, интересующий автора, в «Тенях тевтонов» не только становится сюжетообразующим, обуславливая двойное сюжетных линий и ситуаций, но и воплощается в качестве объекта изображения. Замысел «Теней тевтонов» вступает в спор с моделью истории, согласно которой миром движет закон вечной повторяемости. Алексей Иванов не только опровергает такое понимание действительности, но и показывает его конспирологическую природу. Повторяемость в романе осмысляется как дьявольская сила, но образ Сатаны выступает лишь метафорой неизбежной инволюции человеческого сознания, повершившего в готовые истины. Поиски героями Иванова меча Сатаны, их вера в проклятие рода Клиховских, страсть к историческим аналогиям и «пронзенность» прошлым приводят к губительным неудачам, рушат судьбы и, главное, лишают способности самостоятельно мыслить. Истоки бездумности современного человека связывают «Тени тевтонов» с вампирической темой «Пищеблока». В статье доказывается тяготение писателя к образной «кодировке» собственной позиции, что проявлено оппозицией подземелья Мариенбурга и реки Мотлавы. Река, по Иванову, намечает иной путь мышления и миропонимания, желание освободиться от фрактальности сознания. Размышления над образом реки, в свою очередь, намечают подходы к объяснению кинематографического языка новых романов писателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Алексей Иванов; роман «Тени тевтонов»; фрактальная поэтика; история; образ реки

Б л а г о д а р н о с т и : работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00905 «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Когут, К. С. Герои против Истории в романе А. Иванова «Тени тевтонов» / К. С. Когут. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 121–129. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-121-129.

CHARACTERS VS. HISTORY IN A. IVANOV'S NOVEL "SHADOWS OF THE TEUTONS"

Konstantin S. Kogut

Advanced Educational Scientific Center,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

A b s t r a c t . The article deals with the fractal poetics of A. Ivanov's novel "Shadows of Teutons". It explains the author's intention to carry out fractal reinterpretation of history, originating in the writer's previous works ("Dormitory on Blood", "The Geographer Drank his Globe Away", "Kitchenblock", etc.). The study shows that the principle of similarities and overlaps of historical epochs, which interests the author, in "Shadows of Teutons" is not only the plot-forming feature, causing the duality of plot lines and situations, but is also implemented as an object of depiction. The idea of "Shadows of the Teutons" enters into a dispute with the model of history, according to which the world is driven by the law of eternal recurrence. Ivanov not only refutes this understanding of reality, but also shows its conspiralogue nature. In the novel, recurrence is conceptualized as a diabolical force, but the image of Satan is only a metaphor for the inevitable involution of human consciousness, indulging in ready-made truths. The search of Ivanov's characters for Satan's sword, their belief in the curse of the Klichowski family, their passion for historical analogies and "obsession" with the past lead to disastrous failures, ruin destinies and, most importantly, deprive them of the ability to think independently. The origins of the thoughtlessness of modern man connect "Shadows of the Teutons" with the vampiric theme of "Kitchenblock". The article proves the writer's propensity for figurative "coding" of his own position, which is manifested by the opposition of the Marienburg dungeon and the Motlava River. The river, according to Ivanov, marks a different way of thinking and world-understanding and the desire to free oneself from the fractality of consciousness. The reflections on the image of the river, in turn, outline approaches to explaining the movie language of the writer's new novels.

К e y w o r d s : Aleksey Ivanov; novel "Shadows of Teutons"; fractal poetics; history; image of the river

A c k n o w l e d g m e n t s : The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00905 "Aesthetics and fractal poetics of the new Russian fiction: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov".

F o r c i t a t i o n : Kogut, K. S. (2024). Characters vs. History in A. Ivanov's Novel "Shadows of the Teutons". In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 121–129. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-121-129.

Романное творчество Алексея Иванова обнаруживает очевидную для внимательного читателя особенность: сюжет большинства произведений

автора не столько реконструирует определенную историческую эпоху, сколько стремится к ее фрактальному переосмыслению. Его суть заключается в

стремлении автора к построению исторических подобий и аналогий, где каждая из эпох не только воссоздает модель действительности, но и убеждает в ее повторяемости¹. Остановимся лишь на некоторых примерах.

Пожалуй, первые подступы к подобному принципу автор сделал в «Общяге-на-Крови», где с достаточной очевидностью воссоздал в образе одной студенческой общаги подобие государства и мироздания, рассмотрел в противостоянии и страстях русских студентов обреченное человечество. Такая метафора не несла художественных открытий, но придавала роману определенный исторический масштаб.

В усложненном виде такая модель была воплощена в романе «Географ глобус пропил», где дыхание истории зазвучало в походной части. События многовековой давности воплощались через образы уральской земли, ее бескрайних пространств. Так, образы реки и речного слага вырастали из сюжетно-композиционной основы романа до идейно-философской эмблемы взаимоотношения времен и судеб. Неустроенность и драматизм жизненного пути Виктора Служкина художественно воплощались через повторяющиеся подобию образов школы и дома. А неприкаянность и одиночество главного героя, в свою очередь, становились знаком исторического безвременья.

В романе «Псоглавцы» деревня Калитино располагается на древней земле раскольничьего скита, а в «Комьюнити» пространство современной Москвы соотносится с землями, охваченными чумной эпидемией XV века.

В основу упомянутых нами романов был положен схожий принцип миромоделирования: конкретный эпизод истории стремился воплотить в себе общую для всех ее этапов логику. В результате перед читателями вырастали различные модели конца и исчерпанности истории.

В «Пищевом блоке» Алексей Иванов обращается сразу к нескольким историческим эпохам, в каждой из которых он наблюдает за соотношением индивидуального сознания и идеологии, что и становится поводом для обращения к «вампирической» теме. Бездумность во взглядах на мир, покорность сознания обывателя придуманным за него смыслам, по Иванову, – основная опасность 1980-х годов – оказалась в равной мере присущей как эпохе Гражданской войны, так и царской России.

Вышедший спустя несколько лет роман «Тени тевтонов» продолжает размышления писателя над исторической преемственностью. На этот раз автор обращается к 1457 и 1945 годам, объединяя их проклятием рода Клиховских, обреченного на поиски Лигуэта – меча Сатаны. Зададимся вопросом: перед нами постмодернистская «игра» в большие эпохи и стили, кинематографический прием, под-

готовляющий будущую экранизацию, или самостоятельное высказывание автора об истории, продолжающее ключевую для «Пищевом блоке» мысль? Попробуем ответить на возникшие вопросы. Для решения поставленной задачи мы будем обращаться к контекстуальным связям (М. М. Бахтин, В. Е. Хализев) романа с творчеством Алексея Иванова и с современной ему социально-исторической ситуацией 2010–2020-х годов.

Подобным вопросом задавались современные критики. Так, Г. Л. Юзефович в своей рецензии на роман отметила его коммерческую природу, расчет на массового читателя, отдав должное переплетению гоголевской («Портрет», «Вечера на хуторе близ Диканьки») и булгаковской традиций в изображении нечисти и Сатаны. Относительно образа истории автор рецензии ограничивается общими замечаниями: «Две эпохи, две исторических катастрофы – закат Тевтонского ордена и крушение нацизма – оказываются диковинным образом зарифмованы» [Юзефович 2021]. Отметим, что в определенной мере сказанное повторяло замечание А. Иванова в одном из интервью: «В романе мне важна идея отзеркаливания времен. Есть оно или нет его?» [Иванов 2021].

Схожие размышления звучат в статье Е. В. Сафроновой: «Суть “Теней тевтонов” – в том, что события XV века повторились буквально в XX с тем же успехом, то есть без оного». Автор также отмечает некоторую вторичность романа: «Не потому ли “Тени тевтонов” не впечатляют, что кенигсбергские легенды для Иванова – не более чем легенды...» [Сафронова 2021].

«Метафизическая мысль в основе ивановского беллетристического построения... – во-первых, настолько скучная и во-вторых, так мало продуманная, что за автора, право, обидно...» – пишет О. А. Балла, назвав свою статью о романе «Свои претензии адресуйте дьяволу» [Балла 2021: 265].

В игре эпохами в романе Иванова обращает на себя внимание желание каждого из персонажей повторить прошлое, жажда «исторической справедливости» [Иванов 2023: 203]. Гауляйтер Эрих Кох убежден, что «рейх должен возродить господство Тевтонского ордена – страну немецкого государства на северо-восток» [Там же]. Гитлер же «ощущал себя демиургом... Он повелевал великими стихиями, ходом времен, дрейфом континентов» [Там же: 202]. Желая выслужиться перед фюрером, Кох пытается переиграть средневековье в своей современности, для чего и разыскивает меч Сатаны Лигуэт. Древняя реликвия позволит ему не только встать в один ряд с магистром Тевтонского ордена, но и получить столь желанные земли. Кох, таким образом, вписывает себя в продолжатели великой исторической цепи: тевтонцы XV века, пришедшие на смену тамплиерам, «воскрешаются» нацистами XX века, желающими «врасти в глубины истории» [Там же: 245]. Врасти, переиграв былое поражение. Но в 1945 году самоубийство фюрера убедит верного гауляйтера, что переигрывание обернулось очередным повторением. «Магистр» Кох, подобно Людвигу фон Эрлихсхаузену,

¹ Термин «фрактал» обоснован в работах американского ученого Бенуа Мандельброта. См., например, его книги: [Мандельброт 2002, 2009]. Эстетической природе семантических фракталов посвящена статья [Трубецков, Трубецкова 2016], в которой термин применяется к произведениям живописи и литературы.

31-му магистру немецкого ордена Девы Марии, терпит поражение.

В том же году поляк, историк и бывший узник концлагеря Винцент Клиховский жаждет, чтобы Германия повторила участь его родной Варшавы. Разыскивая меч, Винцент убежден, что «блуждает среди множества повторений, точно в лабиринте из зеркал» [Там же: 246], поскольку точно такую же цель преследовал его далекий предок – шляхтич Каетан Клиховский, желавший отомстить тевтонцам. Зная, что «мерцающие времена отражали друг друга неявно и расплывчато» [Там же: 247], Винцент жаждет отыскать такой поворот своей судьбы, который остановит родовое проклятие повторяемости. Но – и Винцент терпит поражение, оказываясь в числе интернированных поляков.

В чем причина этих неудач? Происки Дьявола? Но у Иванова действует не Бафомет, а люди различных эпох. К тому же хозяин Лигуэта признается, что его орудием является исключительно язык. Дьявол у Иванова изображен не действующим, а только говорящим, причем слова его не несут никакой магической силы. Да и облик Бафомета не отличается от человеческого: не случайно Винцент не распознал его в докторе Козловском. Подобная беспомощность Дьявола вызывала недоумение у многих читателей: «Крайне бледная и бессильная тут фигура, – неспособный практически ни на что, даже на то, чтобы самостоятельно забрать нужный ему предмет, оказывается не более чем поводом для выстраивания “закрученного сюжета”» [Балла 2021: 266], – пишет О. Балла. На сюжетном уровне такое изображение дьявола подрывает классическую фабульную «схему» договора человека с дьяволом, берущую свое начало в древнерусской литературе [Журавель 1996: 87–110].

Ключом к пониманию подлинных причин неудач героев является реплика Бафомета, адресованная Винценту: «Твое проклятие – твоя глупость, а не мой умысел! Дело не в чудесах!» [Иванов 2023: 381]. Герои Иванова приходят к Дьяволу не через грех и соблазн, а в тот самый момент, когда поселяют в своем сердце веру в возможность осуществить свою великую историческую миссию. Но эта миссия – плод их собственного понимания замысла истории. Винцент убежден, что «разгадал секрет истории, и не ошибся, как его предок» [Там же: 362]. Стремясь подчинить своим личным амбициям силы, явно превосходящие возможности человеческого ума, герой у Иванова обречен на катастрофический провал.

Поиск исторических аналогий для героев «Теней тевтонов» является, по-видимому, единственным способом постичь логику бытия (обусловленным фрактальной природой сознания самого человека). Уже Л. Толстым была сформулирована и обоснована непостижимость законов истории. Ее причина – в неспособности части понять замысел целого². А. Иванов видит другую причи-

ну – конспирологическое мировоззрение, которое, осмысляя мир как битву незримых сил, отводит человеку роль марионетки, безвольной куклы в руках неведомого ей исторического кукловода, – куклу, ввергнутую в бесконечную цикличность и потому совершенно бессильную противостоять ей. Тупииковость подобного способа постижения бытия и воплощается в романе Иванова повторением одних и тех же неудач.

Образ цикличной истории впервые был изображен в «Пищевом блоке». Размышления автора о том, как претендующая на единственность государственная идеология обнажает свою тоталитарную природу, привели к теме вампиризма. Вампир в романе отождествлялся с бездумным человеком-марионеткой, что и позволяло художественно воплотить особый взгляд автора на логику социально-политических процессов: соединяя различные, порой противоположные друг другу эпохи, обреченные каждый раз порождать все новых вампиров внутри государственной системы-пищевых блоков, Иванов не находил для своих героев выхода из подобной повторяемости.

В «Тенях тевтонов» автором найден спасительный путь: история действительно повторяется, но только тогда, когда человек *хочет* ее повторить. Тогда и появляется Дьявол³.

Иванов размышляет об истоках желания человека повторить что-либо в истории, что и обусловило настойчивое двойное сюжетных линий романа. Так, армариус Рето, выросший среди тевтонцев, не только переписывает житие святой мученицы Варвары, но и влюбляется в нее. Его чистое сердце вдохновлено ее трагической жизнью: Варвара приняла веру в Христа, за что царедворец Диоскур сначала истязал ее кнутом, а затем отсек голову. За что его и настигла божественная кара – удар молнии. Судьба сводит Рето с Сигельдой, которая на деле оказывается лишь дурным «переигрыванием» жития: она не уверовала в Христа, а была воскрешена из мертвых волей Бафомета. «Твоя возлюбленная – ведьма», – убеждает граф-магистр Людвиг. «Она мученица!» – спорит с ним Рето. И именно ему, влюбленному юноше, суждено уничтожить суккуба – и вновь отсечением

тем только атом недоступного человеку по огромности целого, – так и каждая личность носит в самой себе свои цели и между тем носит их для того, чтобы служить недоступным человеку целям общим» [Толстой 1940: 246]. Далее автор обращается к метафоре пчелы, роль которой в мироздании будет по-разному объяснена и понята ребенком, поэтом или учеными-ботаниками. И каждый раз знание будет неполным: «Чем выше поднимается ум человеческий в открытиях этих целей, тем очевиднее для него недоступность конечной цели» [Там же].

³ Французский историк Робер Мюшембле, рассматривая в своей книге образ Сатаны в различные эпохи, обращал особое внимание на очерк Даниэля Дефо «История дьявола». Соглашаясь с идеей существования Князя Тьмы, Дефо уточняет, что Лукавый воздействует на самые глубины человеческого духа. «Дефо прокладывает путь к определению дьявола как движущей силы истории» [Мюшембле 2005: 316–317], – замечает Мюшембле, добавляя, что следует гораздо больше бояться коварства великих людей, нежели какого-то там ада, нарисованного в весьма забавном свете его почитателями.

² В эпилоге «Войны и мира», подводя итог своим историософским размышлениям, Л. Н. Толстой пишет: «Как солнце и каждый атом эфира есть шар, законченный в самом себе и вместе с

головы Лигуэтом. Заточенный в темницу, Рето сбегает только благодаря припомнившейся ему истории побега своего предшественника.

История повторяется? Перед нами только иллюзия повторяемости: судьба Рето убеждает, что каждый повтор содержит знаки присутствия Дьявола, чем и объясняется постоянство его желания, повторяющееся из века в век требование – вернуть ему меч. На образном уровне идея обманчивых повторений воплощается подземными лабиринтами Мальбурга, блуждание в которых не приводит ни к чему, кроме ржавого Лигуэта: «Яснее всего эта сила проявлялась под землей, потому что под землей не существует времени. Здесь вечность» [Иванов 2023: 361].

Не случайно именно дьявольский меч превращает пронзенных им людей в анастифонов – безвольных существ, исполняющих любые приказы владельца: «Удар этого меча ввергает человека в странное состояние не-жизни и не-смерти. И в таком состоянии человек существует еще очень долгое время, пока окончательно не обветшает» [Там же: 220]. А Клиховский XX века, находясь в нацистском лагере, заметит, что и сам вслед за другими обреченными узниками утрачивает все человеческое, превращаясь в подобие анастифонта. Этот образ повторяет замысел «Пищевлока», где покорные вампиры, отказавшиеся от самостоятельного мышления, всецело покорялись воле своего хозяина-стратилата. Но если в «Пищевлоке» речь шла о социально-политическом подчинении воли мыслящего человека возобладавшей идеологии, то в «Тенях тевтонов» человек оказывается пронзенным вековой историей, которая подчиняет его тело, весь строй его мыслей, подобно дьявольскому мечу.

«Пронзенный» Историей человек верит в ее цикличность. Так, живя в древнем замке Мариенбурга, Винцент внезапно ощутил, что 500 лет назад в фирмарию жил его предок Каетан; ощутил, что «за окном по-прежнему пятнадцатый век» [Там же: 215]. Винцент поверил, что все события его жизни – от плена до спасения, от захвата Пиллау русскими солдатами до встречи с суккубом – «все это уже однажды произошло! Когда-то он уже терял проводника к Лигуэту!.. Ощущение можно было принять за дежавю, но Клиховский совершенно точно знал: пробужденное воспоминание – не из его жизни. Оно из жизни предка» [Там же: 172]. Клиховский полагает, что историческое прошлое поможет ему не только разобраться в логике своей жизни, но и предсказать собственное будущее, указать верную последовательность поступков. Такое же чувство пронзает и Каетана: из окна замка ему открывается видение – будущее замка, над которым «летели железные птицы. Они роняли железные яйца, и те взрывались, выдирая куски земли размером с дом» [Там же: 316].

Но «стихия истории свое движение не объясняет» [Там же: 378], поэтому каждый герой обречен на поражение в этом неравном бою. Суть обреченности состоит в неспособности героя самостоятельно искать объяснение своей современности,

отказе от воли перед Историей, наконец, – в торжестве выдумки над правдой. Выдуманная картина мира комфортна для человека любой эпохи: она не ставит тревожных вопросов, а если и случается великое несчастье, то оно ничему не научит, а будет объяснено вечной повторяемостью событий, родовым проклятием, дьявольскими силами, в то время как дьявольским останется только сознание человека-«марионетки». И именно поэтому анистофоны у Иванова «обветшавшие»: бесконечные повторения в конечном счете истончают человека, материю, приводят мир к энтропии.

Так, Винцент убежден, что смог прорваться в подземелья замка, в недрах которых и находится Лигуэт. И особенно важно для его плана то обстоятельство, что сделал он это вопреки действиям агента СМЕРШа Жени Луданной. Он помнит, что его предок, достигший когда-то Лигуэта, потерял меч, поскольку был остановлен главой таборитов Червонкой. Винценту кажется, что он как раз и предусмотрел подобный поворот судьбы, а потому разгадал секрет истории. Отказав людям в способности совершать поступки, т. е. лишив их самостоятельной воли, Клиховский вообразил мир как огромную шахматную доску, вечную шахматную партию, в которой люди – только безвольные фигуры. Знание дебютов и правил игры способно, по его мнению, уберечь от поражения. По иронии судьбы поражение наступает как раз из-за слишком хорошего знания правил жизненной «партии»: Клиховский не заметил любви русского солдата Володи к немецкой девочке Хельге. Сведя волю каждого человека к «правилам» истории, он не увидел, что реально мир и история движутся чувствами людей, порой совершенно непредсказуемыми. Он не мог и подумать, что, узнав об этих чувствах, Людерс придет в ярость и, желая отомстить за преданную Хельгой Германию, обрушит подземные рыцарские тоннели, навеки похоронив себя и меч под обломками стен и склепов. В противном случае Винцент остановил бы Володю, но он истолковывает действия солдата иначе: «Русские готовились к штурму катакомб! <...> Клиховский задыхался от яростного негодования. Он ощущал себя собакой, которую равнодушные хозяева перед обедом бестрепетно вышвырнули из жилья на улицу. <...> Дама из дефензивы рвалась за гауляйтером, лоцман и сержант – за девушкой, а про Лигуэт все забыли» [Там же: 346]; «Вслед за русскими он проберется к бункеру Коха» [Там же: 350]. Понимание Винцентом движущих людьми мотивов фрагментарно, отражает только внешнюю сторону событий, но не их суть: «дама» Женя на самом деле хочет построить свою карьеру агента СМЕРШа, а Володя больше жизни полюбил девушку Хельгу. Клиховский же уверен, что всем управляет «более мощная сила, нежели жалкий человеческий замысел» [Там же: 361].

«Ты забыл, что такое любовь, Вицек» [Там же: 380], – разъясняет произошедшее Бафомет. Он же объясняет: «Учись видеть суть. Люди и демоны – только сюжеты!» [Там же: 381]. Увидев историю как цепочку сюжетов, Клиховский превратил ее в не-

которое подобие симулякра. Если симулякр – копия, лишенная оригинала, то перед нами оригинал, истлевающий при многократном копировании и бесконечном насильственном воспроизведении. Следуя логике «от обратного», Алексей Иванов в своем романе не только показывает последствия конспирологически-дьявольского отношения к истории, но и утверждает свободную волю человека как ее единственного творца.

Отметим, что проблеме конспирологического сознания посвящено немало исследований. Еще в 1960-е годы историк Ричард Хофштадтер опубликовал работу под названием «Параноидный стиль в американской политике», в которой определил, что «отличительная черта параноидного стиля заключается не в том, что его приверженцы видят заговоры повсюду в истории, а в том, что они рассуждают об «огромном» или «глобальном» заговоре как движущей силе исторических событий. Сама история является заговором, составленным демоническими силами почти трансцендентной мощи...» [Hofstadter 1965: 29–30] Хофштадтер понимает «параноидный стиль», или конспиративизм, как мифологию XXI века.

В 2000-е годы Джордж Энтин добавляет следующее наблюдение: «Охотники на ведьм и искатели заговоров отказываются принимать вещи такими, какие они есть. Будь то наводнение, пожар или голод, или даже смерть чьей-то коровы, – они смотрят глубже и ищут скрытые причины. Это только кажется изощренностью ума, на самом же деле – это признак поверхностного мышления, склонность находить виновников вместо того чтобы изучать сложную совокупность явления, свидетелем которого является такой человек» [Энтин 2000: 71]. Исследователь рассматривает конспиративизм не только как способ мышления, а как состояние сознания, стиль мышления человека вообще.

Исходя из написанного, нетрудно увидеть некоторое родство конспирологии и религиозного сознания. Но если в религиозном сознании ответственность за циклический характер истории, которая все больше удаляется от сакрального центра, лежит не только на личности, но и на силах внечеловеческих (да и судьба человека вписана в координаты всемирной драмы – от грехопадения до конца времен), то конспирология переносит такую ответственность исключительно на человека (тайные организации, жажда разгадать шифр судьбы), утверждая его власть над логикой истории.

А. Г. Дугин, анализируя модели «безумцев от истории», обращается к трудам Рене Генона, утверждавшего две перспективы движения истории: инициацию и контринициацию. Инициация предполагает, что грехопадение человечества может быть обращено вспять путем возвращения в изначальное «адамическое» состояние, что требует полного напряжения и абсолютной реализации всех земных и духовных возможностей личности. Инициация направлена против хода истории, возвращает посвященного к начальной точке. Контринициация, напротив, ускоряет грехопадение. Она обращена не в божественную, а демони-

ческую сторону: личность из земного ада переходит в подземный ад, т. е. расстается с человеческим архетипом. Рассматривая различные воплощения контринициатических идей в мировой истории, Рене Генон обнаруживает в современной действительности «за всеми важнейшими политическими, геополитическими и идеологическими трансформациями деятельность тайных контринициатических организаций» [Дугин 2005: 72].

Подобного рода тайные общества и изображает Алексей Иванов в «Тенях тевтонов», в равной степени обращая внимание читателя как на нацистский оккультизм (образы Коха и Гитлера), так и на деятельность СМЕРШа (Женя Луданная). «Наверняка в каком-нибудь Гитлерюгенде голову ему забили фашистской пропагандой: великий фюрер, тысячелетний рейх, “Дойчланд юбер аллес”, “жизненное пространство”...» [Иванов 2023: 69] – замечает солдат Владимир Нечаев о Грегоре Людере.

Мысль о глубинной связи конспирологического сознания, пропаганды и оккультизма была положена в основу эзотерического национализма (Мигель Серрано цитирует Гитлера: «Кто видит в национал-социализме только политическое движение, вообще ничего в нем не понимает»). Эзотерические аспекты Серрано обнаруживает в СС, например, в организации «Аненербе», занимавшейся также изучением магических ритуалов, наследия древних арийских цивилизаций, санскрита, рунического письма, основ символизма, сакральной географии и т. д. О русской конспирологии пишет в упомянутой работе А. Г. Дугин, указывая на признаки такого рода мышления у Селянинова, Нилуса, Шварца-Бостунича, рассматривая историю сталинской конспирологии (троцкисты, фашисты, империалисты), русские секты, масонство, оккультизм, теософизм (Е. Блаватская была русской), оккультные доктрины Рериха, красный цвет большевистского флага и т. д. [Дугин 2005].

Чем же вызван интерес Алексея Иванова к структуре конспирологического сознания в наши дни? Для ответа на данный вопрос позволим себе обратиться к общеизвестному факту, о котором на страницах «Теней тевтонов» ничего не сказано, но который совпадает с временем действия романа. В 1945 году неизвестный солдат написал на колонне Рейхстага: «За налеты на Москву, за обстрел Ленинграда, за Тихвин и за Сталинград. Помните и не забывайте, а то можем и повторить». Напряженный спор об этом лозунге развернулся в русском обществе в 2010–2020-е годы и неоднократно выходил в публичное поле в год работы автора над романом: одни понимали послание как долгожданную и непростую победу над фашизмом, как требование оплаченного кровью мира; другие воспринимают такой лозунг (зачастую вырывая из контекста только последние два его слова) как милитаристский призыв. Мы не будем останавливаться на истоках и нюансах этой дискуссии. Нас интересует логика мысли писателя, во многом включающегося в этот спор и задающегося во многом схожим вопросом: а нужно ли повторять?

Ответ на этот вопрос воплощен в образной системе романа. Дурной цикличности – ложному пониманию истории, воплощенному подземными лабиринтами замка, – противостоит движение вперед. Оно проявлено в эпилоге течением реки Мотлавы, на берегу которой расположен польский город Гданьск. В направлении движения водной стихии содержится намек на иное, недоступное до конца человеку понимание исторических сил, а может, и божественного замысла вообще: «Взбалмученная и замусоренная Мотлава, из которой торчат мачты и трубы затопленных судов, взметаются водяные столбы от упавших бомб. На одном берегу реки тесный строй фигурных домов разорван провалами разрушений. <...> На другом берегу пылают старинные высоченные амбары-шпайхеры. <...> И всё вокруг в полном беззвучии» [Иванов 2023: 378–379]. Поток реки продолжает свое течение вперед вопреки пережитой войне, вопреки упавшим в него бомбам и затопленным судам.

Исследованию образа реки в творчестве Алексея Иванова посвящено немало работ [Карнаухова 2011; Подлесных 2006, 2007, 2008; Ребель 2006]. В. В. Абашев и М. П. Абашева пишут: «Пространство Иванова подвижно, наделено свойствами живой первичной субстанции – такое пространство порождает в своем движении вещи» [Абашев, Абашева 2010: 83]. Связь этого образа с традицией очерковой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка обоснована А. В. Тагильцевым⁴. Исследователями немало сказано о взаимосвязи ландшафта и человека в романах Иванова, о сюжетообразующем и символическом характере образа реки. Мы попытаемся лишь дополнить существующие концепции и соображения.

Исторический роман «Тобол» наследует речную тему: больной Петр I «рядом с мокрой громадиной морского корабля чувствовал свою человеческую мелкоту» [Иванов 2024b: 8]. Но надежду на собственное спасение царь связывает со строительством империи, уподобленной спущенному на воду фрегату. А князь Матвей Петрович Гагарин понастоящему почувствует Сибирь через реку: «Молчаливая Тура неспешно изгибалась между плоских борových холмов: ровное и гладкое течение не нарушало отражений. Лес переходил в воду без видимой границы, сотканный с рекой стволами деревьев, упавших вершинами в зеркала» [Там же: 81]. Река у Иванова скрывает древние тайны земли, становится проводником и «зеркалом» звучащей истории, вписывая в нее жизнь отдельного человека. Именно так поймет реку Виктор Служкин в романе «Географ глобус пропил»: «Мы проплыли по этим рекам – от Семичелoveчьей до Рассохи – как сквозь судьбу этой земли, – от древних капищ до концлагерей. Я лично проплыл по этим рекам, как сквозь свою любовь, – от мелкой зависти в темной палатке до вечного покоя на пороге пекарни» [Иванов 2008: 361]. Судьба земли открывается герою именно через реку: своим течением она соединяет не

только территории, но и времена. И только такой синтез географии и истории становится для Служкина ключом к своей собственной жизни.

Рассказывая историю обнищания русского флота в «Речфлоте» (исторической основе романа «Бронепароходы»), Иванов с болью замечает: «Год за годом кораблей на наших реках становится всё меньше. <...> И нам теперь уже не больно. Но река без кораблей – это как небо без птиц. И пустота великих рек Отечества означает только то, что пуста и душа у нации» [Иванов 2024a: 549]. И вновь река связывается не только с национальным самосознанием, но и с движением истории. Через историю флота автор пытается разобраться в судьбе родной страны. Так, непростой путь восстановления страны в послевоенные годы характеризуется превращением речфлота в мощную отрасль народного хозяйства. Бурной жизни 1980-х соответствующую простоту судов и заводов, срывы в поставках грузов, распад производственных связей. Наконец, распад СССР осмысляется через движение легендарных кораблей через моря и реки: «Авторитет советского речфлота взвился на невиданную высоту. Концерн «Росречфлот» получил приглашение на выставку «Экспо-1992». Не чуя надвигающихся перемен, речники подготовили для всемирного форума делегацию из пяти лайнеров. Осенью 1991 года теплоходы «Ленин» (флагман Волжского пароходства с 1987 года), «Юрий Андропов», «Георгий Чичерин», «Зосима Шашков» и «Леонид Соболев» отправились в Испанию. Флотилия прошла через девять морей и Атлантику и гордо отшвартовалась в Севилье. Русские речные лайнеры произвели фурор. Вернулись они только в 1992 году. Но страна, которую олицетворяли эти прекрасные корабли, за время их вояжа уже навсегда исчезла с карты мира» [Иванов 2024a: 542].

Заметим, что ключевые эпизоды «Пищевлока» также оказываются связаны с образом реки. Именно на теплоходе Игорь и Валерка окончательно поверят в победу над бесконечной преемственностью «пьявцев» в государстве-пищевлоке, в возможность увидеть 1980-е из 2020-х как «старую добрую сказку» [Иванов 2022: 411]: «Значит, можно перестать быть стратилатом. Надо только найти способ», – задумывается Валерка. И этой задумчивостью мгновенно наполняется Волга: «Плоскость взъерошенной Волги стала непроницаемо-сизой. Казалось, что хмурое пространство озабочено чем-то своим, и люди ему безразличны» [Иванов 2022: 410]. Таинственная «непроницаемость» водной глади визуальнo повторяет загадочность дальнейшей судьбы главных героев. Но загадка эта потому и является загадкой, что обращена в будущее: Игорь и Валерка понимали, что «всё было не как обычно» [Там же].

В названных произведениях река увидена в одном историческом «ракурсе»: подлинное движение человеческой судьбы и истории – не в закольцованности и симметрии (которые напоминают лишь зеркальные отражения), а в устремленности речных потоков к неизвестным и непредсказуемым горизонтам и поворотам.

⁴ Тагильцев А. В. Сюжет сплава в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. Иванова // Филологический класс. 2024. Т. 29, №1. С. 67–74.

Стремление автора к образной «кодировке» смыслов в «Тенях тевтонов», по-видимому, связано с кинематографическим принципом повествования. Его суть в свое время была определена Ю. М. Лотманом и Ю. Г. Цивьян в книге «Диалог с экраном»: «В языке кино существует такая единица, как сочетание кадров. Аналогично тому, как рассказчик членит, отбирает и компокует события, о которых ведется речь, членит, отбирает и компокует действие режиссер. <...> Умелым сочетанием кадров режиссер может регулировать поток времени в кинорассказе, его интенсивность и направление» [Лотман, Цивьян 1994: 100]. Алексей Иванов строит повествование именно на таких чередованиях кадров. Обратимся к первой главе: «Выщербленный красный кирпич. Готические окна. Черепичная крыша – вся в дырах. Взрытый воронками двор. И везде вздутые трупы в серо-зеленой солдатской форме вермахта и грязной гражданской одежде фольксштурма» [Иванов 2023: 8]. На визуальную статичность картины работает прежде всего синтаксис: назывные предложения, некоторые из которых осложняются неполнотой. Читатель-зритель медленно переводит взгляд от стен замка к его окнам, а от окон – к крыше. Затем кадр сменяется общим планом, запечатлевая усеянный трупами двор. Следующий кадр разрушает статику молчаливой картины и одновременно сменяет общий план на крупный, почти детальный: «Из кабины выбралась капитан Луданная. – Товарищи историки, сказала она по-русски, – напоминаю про мины» [Там же]. Тишина сменяется внезапной речью, описание – диалогом.

В заключительных главах неизменным остается принцип сочетания кадров. Иванов изображает бой в катакомбах: перестрелка, темнота, гранаты, наконец – детонация заряда и оглушительный взрыв, завершающий эпизод. Читатель не

знает, кто уцелел, потому что повествование останавливается и сменяется кадром, где за столом сидит Пакарклис, который неторопливо читает древнюю рукопись. Перед нами уже ставший привычным клиффхэнгер, который заканчивает рассказ в самый напряженный момент. «Клиффхэнгер – кульминация, разорванная пополам», – замечает Э. Нюссбаум [Root 2015]. Л. Т. Пуут уточняет, что этот прием появляется на пересечении дискурса и восприятия [Там же]. Учитывая, что «Тени тевтонов» создавались как аудиосериал, то именно такое напряжение позволяло удерживать внимание зрителя от серии к серии. Из аудиосериала прием перешел в печатный текст романа.

Подведем итоги. Роман «Тени тевтонов», построенный по принципу фрактального переосмысления исторических эпох, их взаимоналожения и повторения, намечает путь преодоления бесконечных подобию. Каждый из повторов истории (замечим – повторов как сознательных, так и случайных) осмысливается автором как обман сознания, который раз за разом ввергает мир в дьявольские лабиринты, блуждая в которых, человек лишается способности мыслить самостоятельно. Мысль, двигаясь по заданным траекториям, губит сама себя. Избавиться от этих блужданий может только тот человек, который посмотрит на мир и историю так же, как он смотрит на речной поток: течение не может повернуться вспять или тем более остановиться. Такая непредсказуемость жизни требует от героя самостоятельного постижения ее законов. Стремление А. Иванова к образному воплощению мысли о возможной победе человека над цикличностью истории (образы подземных катакомб – течения реки), возможно, свидетельствует о тяготении поэтики «Теней тевтонов» к киноязыку, визуальному воплощению, эстетике кадра.

Литература

- Абашев, В. В. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 81–91.
- Балла, О. Свои претензии адресуйте дьяволу (А. Иванов «Тени тевтонов») / О. Балла // Дружба Народов. – 2021. – № 5. – С. 262–267.
- Дугин, А. Г. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне) / А. Г. Дугин. – М. : РОФ «Евразия», 2005. – 624 с.
- Журавель, О. Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе / О. Д. Журавель. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 234 с.
- Иванов, А. В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 380 с.
- Иванов, А. В. Пищевблок / А. В. Иванов. – М. : Издательство «АСТ», 2022. – 413 с.
- Иванов, А. В. Речфлот: История речного флота Российской империи и Советского Союза / А. В. Иванов. – М. : Альпина нон-фикшн, 2024а. – 550 с.
- Иванов, А. В. Тени тевтонов / А. В. Иванов. – М. : РИПОЛ классик, 2023. – 384 с.
- Иванов, А. В. Тобол : в 2 т. Т. 1 / А. В. Иванов. – М. : Альпина нон-фикшн, 2024б. – 800 с.
- Иванов, А. В. «В советское время не поощрялся интерес к реальному рыцарству»: писатель Алексей Иванов – о своем новом романе «Тени тевтонов» / А. В. Иванов. – Текст : электронный // Forbes. – 2021. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/418513-v-sovetskoe-vremya-ne-pooshchryalsya-interes-k-realnomu-rycarstvu-pisatel-aleksey> (дата обращения: 10.06.2024).
- Карнаухова, О. А. Образ реки в романе А. Иванова «Золото бунта, или вниз по реке теснин»: лингвостилистический аспект / О. А. Карнаухова. – Текст : электронный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-reki-v-romane-a-ivanovazoloto-bunta-ili-vniz-po-reke-tesnin-lingvostilisticheskiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 05.07.2024).
- Лотман, Ю. М. Диалог с экраном / Ю. М. Лотман, Ю. Цивьян. – Таллин : Александра, 1994. – 215 с.

- Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. – М. : Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
- Мандельброт, Б. Фракталы и хаос. Множество Мандельброта и другие чудеса / Б. Мандельброт. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. – 392 с.
- Мюшембле, Р. Очерки по истории дьявола: XII–XX вв. / Р. Мюшембле ; пер. с фр. Е. В. Морозовой. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 579 с.
- Подлесных, А. С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Подлесных. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 24 с.
- Подлесных, А. С. Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор» / А. С. Подлесных // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; Издательский дом «Союз писателей», 2006. – С. 76–81.
- Подлесных, А. С. Эротические коннотации образа Чусовой в романе А. Иванова «Золото бунта» / А. С. Подлесных // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 3 : в 2 т. Т. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; ИД «Союз писателей», 2007. – С. 258–265.
- Ребель, Г. М. Явление Географа, или Живая вода романов Алексея Иванова / Г. М. Ребель. – Текст : электронный // Знамя. – 2006. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2006/4/yavlenie-geografalilzhivaya-voda-romanov-alekseya-ivanova.html> (дата обращения: 05.07.2024).
- Сафронова, Е. Когда меч не рубит. О книге А. Иванова «Тени тевтонов» / Е. Сафронова. – Текст : электронный // PechorinNet. – 2021. – URL: <https://pechorin.net/articles/view/koghda-miech-nie-rubit-o-knighie-a-ivanova-tieni-tievtonov> (дата обращения: 05.07.2024).
- Толстой, Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 12: Война и мир, т. 4. – М. : Художественная литература, 1940. – С. 234–329.
- Трубецков, Д. И. Фрактальное искусство / Д. И. Трубецков, Е. Г. Трубецкова // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. – 2016. – Т. 24, вып. 6. – С. 84–103.
- Энтин, Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет / Дж. Энтин // Новая новейшая история. – 2000. – № 1. – С. 69–81.
- Юзефович, Г. Л. Алексей Иванов. Тени тевтонов / Г. Л. Юзефович. – Текст : электронный // Медуза. – 2021. – URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseya-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany> (дата обращения: 18.10.2024).
- Hofstadter, R. The Paranoid Style in American Politics and other Essays / R. Hofstadter. – New York, 1965.
- Poot, L. T. On cliffhangers / L. T. Poot // Narrative. Columbus. – 2015. – Vol. 24, no. 1. – P. 50–67.

References

- Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2010). Poeziya prostranstva v proze Alekseya Ivanova [Poetry of Space in the Prose of Alexei Ivanov]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 81–91.
- Balla, O. (2021). Svoi pretenzii adresuite d'yavolu (A. Ivanov «Тени тевтонов») [Address Your Claims to the Devil (A. Ivanov “Shadows of Teutons”)]. In *Druzhba Narodov*. No. 5, pp. 262–267.
- Dugin, A. G. (2005). *Konspirologiya (nauka o zagovorakh, sekretnykh obshchestvakh i тайной войне)* [Conspirology (Science of Conspiracies, Secret Societies and Secret War)]. Moscow, ROF «Evraziya». 624 p.
- Entin, J. (2000). Teorii zagovorov i konspirativistskii mentalitet [Conspiracy Theories and Conspirativist Mentality]. In *Novaya noveishaya istoriya*. No. 1, pp. 69–81.
- Hofstadter, R. (1965). *The Paranoid Style in American Politics and other Essays*. New York.
- Ivanov, A. V. (2008). *Geograf globus propil* [Geographer Globus propyl]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. 380 p.
- Ivanov, A. V. (2021). «V sovetskoe vremya ne pooshchryalsya interes k real'nomu rytsarsstvu»: pisatel' Aleksei Ivanov – o svoem novom romane «Тени тевтонов» [“In Soviet Times, Interest in Real Chivalry was not Encouraged”: Writer Alexei Ivanov – about His New Novel “Shadows of the Teutons”]. In *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/418513-v-sovetskoe-vremya-ne-pooshchryalsya-interes-k-realnomu-rytsarsstvu-pisatel-aleksey> (mode of access: 10.06.2024).
- Ivanov, A. V. (2022). *Pishcheblovk* [Pischeblovk]. Moscow, Izdatel'stvo «AST». 413 p.
- Ivanov, A. V. (2023). *Teni tevtonov* [Shadows of Teutons]. Moscow, RIPOL klassik. 384 p.
- Ivanov, A. V. (2024a). *Rechflot: Istoriya rechnogo flota Rossiiskoi imperii i Sovetskogo Soyuz* [Rechflot: History of the River Fleet of the Russian Empire and the Soviet Union]. Moscow, Al'pina non-fikshn. 550 p.
- Ivanov, A. V. (2024b). *Tobol: v 2 t.* [Tobol, in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Al'pina non-fikshn. 800 p.
- Karnaukhova, O. A. (2011). Obraz reki v romane A. Ivanova «Zoloto bunta, ili vniz po reke tesnin»: lingvisticheskiy aspekt [The Image of the River in A. Ivanov's Novel “The Gold of Rebellion, or Down the River of the Cramp”: Linguistic and Stylistic Aspect]. In *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Issue 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-reki-v-romane-a-ivanovazoloto-bunta-ili-vniz-po-reke-tesnin-lingvisticheskiy-aspekt/viewer> (mode of access: 05.07.2024).
- Lotman, Yu. M., Tsivyan, Yu. (1994). *Dialog s ekranom* [Dialog with the Screen]. Tallin, Aleksandra. 215 p.
- Mandelbrot, B. (2002). *Fraktalnaya geometriya prirody* [Fractal Geometry of Nature]. Moscow, Institut komp'yuternykh issledovaniy. 656 p.
- Mandelbrot, B. (2009). *Fraktaly i khaos. Mnozhestvo Mandel'brot'a i drugie chudesa* [Fractals and Chaos. Mandelbrot's Multiplicity and Other Miracles]. Izhevsk, NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika». 392 p.

Myushemble, R. (2005). *Ocherki po istorii d'yavola: XII–XX vv.* [Essays on the History of the Devil: 12th–20th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 579 p.

Podlesnykh, A. S. (2006). Kama v khudozhestvennom prostranstve romana A. Ivanova «Cherdyn' – knyaginya gor» [Kama in the Artistic Space of A. Ivanov's Novel "Cherdyn – Princess of the Mountains"]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 2. Ekaterinburg, Uro RAN, Izdatel'skii dom «Soyuz pisatelei», pp. 76–81.

Podlesnykh, A. S. (2007). Eroticheskie konnotatsii obraza Chusovoi v romane A. Ivanova «Zoloto bunta» [Erotic Connotations of the Image of Chusova in A. Ivanov's Novel "The Gold of Rebellion"]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 3, in 2 vols. Vol. 2. Ekaterinburg, Uro RAN, ID «Soyuz pisatelei», pp. 258–265.

Podlesnykh, A. S. (2008). *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale* [Geopoetics of Alexey Ivanov in the Context of Prose about the Urals]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 24 p.

Poot, L. T. (2015). On Cliffhangers. In *Narrative. Columbus*. Vol. 24. No. 1. – P. 50–67.

Rebel, G. M. (2006). Yavlenie Geografa, ili Zhivaya voda romanov Alekseya Ivanova [Geographer's Phenomenon, or the Living Water of Alexey Ivanov's Novels]. In *Znamya*. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2006/4/yavlenie-geografa-ilizhivaya-voda-romanov-alekseya-ivanova.html> (mode of access: 05.07.2024).

Safronova, E. (2021). Kogda mech ne rubit. O knige A. Ivanova «Teni tevtonov» [When the Sword Does Not Chop. About A. Ivanov's Book "Shadows of Teutons"]. In *PechorinNet*. URL: <https://pechorin.net/articles/view/koghda-miechnie-rubit-o-knighe-a-ivanova-tieni-tievtonov> (mode of access: 05.07.2024).

Tolstoy, L. N. (1940). Voina i mir [War and Peace]. In Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* Vol. 12: Voina i mir, vol. 4. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 234–329.

Trubetskoy, D. I., Trubetskova, E. G. (2016). Fraktal'noe iskusstvo [Fractal Art]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Prikladnaya nelineinaya dinamika*. Vol. 24. Issue 6, pp. 84–103.

Yuzefovich, G. L. (2021). Aleksei Ivanov. Teni tevtonov [Alexey Ivanov. Shadows of Teutons]. In *Meduza*. URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseya-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany> (mode of access: 18.10.2024).

Zhuravel, O. D. (1996). *Syuzhet o dogovore cheloveka s d'yavolom v drevnerusskoi literature* [The Plot about the Contract of Man with the Devil in Old Russian Literature]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 234 p.

Данные об авторе

Когут Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии специализированного учебно-научного центра, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.

E-mail: kosfunpix@yandex.ru.

Author's information

Kogut Konstantin Sergeevich – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Philology of Advanced Educational Scientific Center, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 10.10.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 10.10.2024; date of publication: 30.10.2024